

ВОЛЯ К МЫСЛИ

ДЕРЕВО ЭТО ВЕЛИКОЕ

Дерево это великое.
И в кроне всегда ветер,
чья суета тревожит
его, как спящую птицу.

Одну оно ветвь под другую
заводит – клювом в подкрылье,
скрипнет как вскрикнет: ветер
и холод.

Когти корней крепко
на прахе родном держат
его поджарое тело,
чтобы оно не упало,
но и не улетело.

Перед большой стужей
снится большой птице,
что – мах, мах, – снимется
и полетит. Прощайте.

В порах грибов – пора
сбора и листолета.
Дни осенние, ветры северные,
ночи воронова пера.

Неужли взлететь не выйдет?
Ибо тяги земные –
злые, как псы цепные...

Но люди тогда видят
летающие клином листья –
сны деревьев цветные.

2001

ВОЛЯ К МЫСЛИ

Мысль человека – будь ты частица либо волна,
метеоритный очерк прозренья, – ты, тем не менее, на

подозрени. Спутница (сверстница?) света,
ты, словно волчья богиня – Луна,
тыму обратную прячешь. А я домогаюсь ответа.

Диакосм Демокрита. Мир как идея – Платона.
И – чрез прорву столетий разгонный тоннель фазатрона
пулей в десятку влечит свои подтвержденья!
Что-то здесь важное – может быть, страшное, скрыто:
не слишком ли точно схождение
древних догадок – и выпотов опыта? Это
не ось ли моделей Платона
и миров Демокрита?

Странностью сей, грубо очерченной здесь, обуреваем, –
мысль человека! – волю творенья в тебе подозреваю,
Анаксагора из Клазомен в помощь себе призывая.

Волящей мысли очень немного надо –
долька свободы, стадий тенистой прохлады,
хищный инстинкт да случай возгнаться до плазмы творенья
острой догадке, язвящей сознанье, как терние!

Сказано: складки хитона подобны морщинам в час
размышленья;
лобные ж борозды – с помысла слепок...

Тожественны оным – *шаги пятилеток!*
Шаг верховных сапог диктовал их столь мерно и точно
от брусчатки Кремля до возгорбий дальневосточных.

Диктатора воля хребты содвигает, как роги кавказского
пира.
Но даже и в этом – осмысленность тварного мира.

Подозреваю: в миг, как надумаешь цепь разомкнуть,
уже фарадеева искра готова порскнуть.
Воля и мысль, словно поле и поле, стремятся в одно.
В хаосе стройном с улыбкой проходит кажимость.
В дверь ее прогоняю – она пролезает в окно,
как эта цветущая жимолость.

2001 – 2002

ШТОРМ

Ветер с полночи влагой окапал
крап листвы; безлунела мгла.
К утру шторма тяжелая лапа
пляж накрыла и мол потрясла.

Дыбясь, волны, как пифии, нервно
поднимались – и крылья плащей

ввысь летели стремительно-мерно
в гроздьях брызг и ошметках лучей.

А когда из лазурного ада
шла девятая счетом – была
вся подобьем весеннего сада,
возрастала, взмывала, цвела.

Малахитовой лавой кипящей
было море вблизи – а вдали
темно-хвойной тайгой, уходящей
за другие пределы земли.

Потемнело – и вдруг посветлело –
и за дымкой залива дома
засмеялись – и вновь налетела,
как по ходу трагедии, тьма.

Свет порывами несся; на ком бы
ни сиял – погасал – и ни зги.
Шли валы чередой гекатомбы,
нежной пены роняя клоки.

Мы, стоящие на галерее,
обогнувшей уступы кряжа,
на развитие событий смотрели,
солью ветра с волненьем дыша.

Пел, как хор, этот ветер крепчавший
гул ударов роня к ногам:
Мир – он все еще полная чаша,
подносимая к вашим губам.

1988

ДО СВЕТА

Звезды вижу в продышанном инее.
В три утра – быть ли свету – решается.
В три утра петухи всполошаются
и кричат – это снится им Индия,
где ножи поварят друг о друга стучат.
Тот, кто был в это время зачат,
никогда не избудет он тьмы, обступающей
окна дома в куржави блистающей,
и к луне от полян улетающий
лай веселых волчат.

Мочат ссучившихся паханы.
Дрыхнет горькая пьянь, хоть бы хны,
и дежурные доктора
в три, в четыре утра.

Всяк-то старым березам извертит
стужа лютая ноющий хрящ.
Прозывается северный ветер
чудно, Господи – *камык горящ!*

Ночь, ты вечность, а не пора.
Лунный свет – лезвиё топора.
И крадется поземка по-рысьи.
Но приходят мне лучшие мысли
в три, в четыре утра.

2005

ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА В СТИХАХ «НУЛЕВЫЕ ГОДЫ»

* * *

Привет, вокзал мой, старина.
Твердь сопромата. Сон без сна.
Кишащий космос ты – и почва.
Подруге террориста юной,
уже обещанный, безумный
калым. Ты и дворец бомжа,
где он себе глядится дожем.
Ты государства слепок точный.
Ты блеск и грязь, ты крепь и ржа.
Грудь богатырская. Душа
моя. Тут столько дней я прожил,
ночей бездомных и огромных!

Я ритмы на перронах темных,
в цезурах эха, заносил
по-ученически в тетрадку.
И, все что я ни попросил,
ты к нищенскому моему достатку
добавил, имя не спросил.

Через дефис тебе граничит
базар в московском словоряде.
Кому милей его обычай –
да Бога ради!
Что он? – лишь проза экзотическая,
кошелка быта, кладь съестная...
А ты – поэзия эпическая,
частушек дурь и даль провидческая,
и жисть-житуха шевбутная.

Признал? – так выпьем! – Есть стакашек?
– Он есть всегда! За встречи наши
и в добрый, и в недобрый час,
и расставанья. За пропащих –
и здравствующих пуще нас.

Вот рой куплетов – новых, старых,
так, как сложилось, без помарок –
тебе в отдарок.

* * *

Темнеет, как холсты Куинджи,
вечерний кобальт. Страстью лета
асфальт разнежен. Камень дышит,
он развращен избытком света.

Под небом ночи, вся раскрашенная,
становишься самой собою.
Плывешь, как лайнер многобашенная,
миллионнолюдная, но кажется,
что мы одни с тобою.
Москва, ты женщина. Как все вы,
ты убавляешь возраст свой.
А я тебя и вовсе девой
сегодня вижу молодой.

Протославянских ты кровей.
И Имя, тайное доселе,
шептали угры у твоей
берестяной купели.

Нам не изведать ту землянку,
где крик твой первый прозвучал;
мордовка, *Мокша* ты, зырянка
в началах изо всех начал.

Какие беды, рвы и рымы
прошла ты! Труб военной меди
гремели зовы. Стлались дымы
над твоей русой головой.
Дарю тебе обличье леди, –
поэт и верный спутник твой.

Нам столько предстоит всего
сказать друг другу, без обмана.
Ты – героиня моего
любовного романа.

Я буржуа в свой природе,
и обожать Тебя легко мне.
Колена всех твоих просодий
я наизусть твержу и помню.

Свет из окн полуподвальных
харчевен и торговых лавок
затем и ярк,
чтобы от каблучков до талий
девиц подсвечивать, как рампа. Далее
кипенье лиц, и лип, тьмы-темени,

изжаленной стрекалом ватт,
чей преизбыток нагловат,
но в стиле времени.

Твоя луна – она особенная,
как бы в косметике, фасонная.
А где дорога окружная, –
как на машинке окулиста,
когда вам зренье промеряют,
и линзу подменяет линза, –
глянь – а луна уже иная.

Та в электричке ездит сызрану,
живет с земли и ходит в ситце,
и с деревенской укоризною
на *эти глупости* косится.

А мы бездельники, любовники,
и горя мало,
какие приступают сроки,
и дни еще придут жестокие.
В столице на гастролях – тропики.
С указом на обложках: «топики
носить!» – диктаторы-журналы.

Какую ныне хочешь заповедь
забыть? В каком забыться блюде?
Нам атропин в зрачки закапывает
ночь. А вокруг другие люди.
И ты изысканно другая,
нарядная и дорогая.

– Я, я – не он, –
 как шут, неон, –
вопит, – смеясь дневному свету
вослед; а тот, роняя лепту,
во шапки туч, ступает вон.

И словно бы ладонь прощальная,
на миг из бела рукава
мелькнула, властная и дальняя...

И я забыл тебя, Москва.

* * *

История – бюро рекрутное –
лжи, мифов и темнот полна.
Но если брать масштабы крупные –
наука т о ч н а я она!

Чьей мощью, по какому плану,
чьей мощью волящей она

и разрушает неустанно,
и благо созидать вольна?

Котел плавильный, плазма тигля
яд каббалических реторт —
в сравнении с тем, что мы постигли, —
лишь только муляжи пустые:
не тот накал, масштаб не тот.

Толбачик, Момотомбо, Этна
бьют в небо бомбами камней.
Мощь циклопическая эта
не вровень — но уже теплей!

И только толщ твоих давилля
и твой хохочущий огонь,
Земля! — равны, как с сильным сильным,
истории страны Россия,
поболе, чем какой другой.

Там, где предание
с природой
сплетаются в один подвой;
где племя — архетип народа —
и пахоты живородящий слой
еще состав не разделяют свой,
уже — тая грядущее с испода,
проходит пал подсечно-огневой!

Тома веков и верстка поколений,
кураж империй, гибель королей, —
все, что ни есть — игральное давление,
температур, энергий и полей.

ТЁМНЫЙ ДОМ

Когда, уже в конце трактата,
открытого мной в поздний час,
роскошно цвел сюжет эсхато-
логический — вдруг свет погас.

В окошке — свету место свято.
Свеча! сироткой ты одна
стоишь, бледна и чуть горбата,
и все же светишь из темна.

Как соли, просим у соседа
известья верного — когда,
когда же от властей приедут
и нам исправят провода.

Свет городских жилищ – как свыше
дается: нет – и мы полны
предчувствием неизбродившим –
войны? Пожалуй, и войны.

Оставь, – сказал себе, – в тетради
вслепую не скреби пером
из тьмы пришедшей мысли ради –
она не кончится добром.

Всяк человек – свой дом, в котором
единственное окно,
где в предназначенную пору
вдруг делается темно.

Когда не этот свет – небесный
из глаз моих, по тьме причин,
уйдет – шепну, прощанья вместо:
где стол был яств, там дыр бул щил¹.

2003

* * *

Что бы, когда бы с тобой ни случилось,
белое утро придет врачевать.
Памяти склонность и времени милость
все превозмогут опять и опять.
Чаши весов преисполнены снами,
болью и небылью, нашей судьбой.
Все учтено – мотылек и цунами.
Что б ни случилось однажды с тобой,
правда вернется, земля возликует,
зла не держа, не вина никого.
Лишь справедливость одна торжествует.
Страшным бывает ее торжество.

¹ Кручёных – если кто забыл (прим. автора).